

УДК 394.2
DOI 10.17223/18137083/58/25

П. С. Шахов

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

**Мордовский календарно-обрядовый
фольклорно-этнографический комплекс сибирского бытования
(весенне-летний период)**

Народный календарь православной мордвы как кодовая система представляет собой органичный симбиоз православно-христианского и дохристианского земледельческого календаря и рассматривается в настоящей работе на основе разновременных источников (записей последней трети XX в. и 2000-х гг.) сквозь призму этнической терминологии и различных обрядовых параметров (временного, пространственного, персонального, акционального, атрибутивного, вербального и музыкального). Отмечается, что многие элементы весенне-летнего периода, в некоторой степени реконструированные, демонстрируют высокую степень включенности календарных дат в систему жизнедеятельности этноса.

Ключевые слова: мордва Сибири, народный календарь, полевые исследования, этническая терминология, кодовая система, фольклорно-этнографический комплекс.

Мордва, являясь наиболее многочисленным финно-угорским этносом России, расселена на ее территории чрезвычайно дисперсно – только треть мордовского населения страны проживает в Республике Мордовия. Компактные переселенческие группы мордвы есть в Поволжье, Заволжье, Приуралье, Сибири и на Дальнем Востоке.

К первым письменным записям фольклора сибирской мордвы относится фиксация поэтических текстов мордовских песен Алтайского и Красноярского краев, Кемеровской и Томской областей, которую осуществил историк, этнограф и фольклорист И. С. Поздязев (Сибиряк) с 1924 по 1960 г. Первые аудиозаписи сибирского фольклора мордвы были сделаны участницей комплексной экспедиции Э. Н. Таракиной¹ (1975) и руководителем музыкально-фольклорных экспедиций В. Б. Русаякиным² (1983, 1986). В конце 1990-х – начале 2000-х гг. мате-

¹ Таракина Э. Н. Фольклорный материал, собранный летом 1975 года в селах Залесовского района Алтайского края // Архив Научно-исследовательского института при Правительстве республики Мордовия. Ед. хр. Л-517. 65 л.

² Русаякин В. Б. Фольклорный материал, собранный во время фольклорно-музыкальных экспедиций (1983–1986 гг.) в мордовские населенные пункты Сибири: В 2 ч. // Ар-

Шахов Павел Сергеевич – ученый секретарь Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; pashahoff@mail.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2017. № 1
© П. С. Шахов, 2017

риальная и духовная культура мордвы Сибири становится объектом историко-этнографических исследований сибирских (Т. К. Щеглова, М. А. Овчарова) и мордовских (Л. И. Никонова, Л. Н. Щанкина, М. С. Волкова) ученых.

С 2007 г. новосибирские фольклористы под руководством крупного исследователя в области изучения сибирских переселенцев Н. В. Леоновой [Леонова, 1999, с. 179] при участии автора статьи совершили ряд экспедиций в сибирские села³, в которых проживают мордва-эрзя и мордва-мокша. Экспедиционные маршруты во многом повторяли путь исследователей последней трети XX в., давая возможность проведения диахронических сравнений. Собранный полевой материал⁴ и названные архивные источники легли в основу кандидатской диссертации [Шахов, 2015], а также настоящей статьи, задачами которой является обобщение разновременных источников, содержащих сведения о народном календаре мордвы Сибири, сопоставление и сравнение различных элементов весенне-летнего календарного комплекса в локальных сибирско-мордовских традициях⁵.

Язык традиционной культуры имеет веками сложившуюся форму, систему выражения, которая в процессе развития цивилизации постоянно изменяется, дополняется новыми элементами и значениями. Любой сегмент этнической традиции многосоставен, многослоен и имеет несколько планов выражения, которые, действуя синхронно или последовательно, усиливают друг друга.

Народный календарь православной мордвы как кодовая система представляет собой органичный симбиоз православно-христианского и дохристианского земледельческого календаря и рассматривается в настоящей работе сквозь призму этнической терминологии и различных обрядовых параметров (временного, пространственного, персонального, акционального, атрибутивного, вербального и музыкального).

Весенне-летний период календарно-обрядового комплекса сибирской мордвы открывается повсеместным празднованием Масленицы за неделю перед Великим постом (Сырная седмица). Сибирская мордва-эрзя именует этот праздник *Мáстя* (Нов., Пав., Бор.), мокша – *Мáслaньце* (Н. Куж.) или *Мáсла* (М. К.). Практически во всех селах ее также называют Мáсленкой или просто по-русски Масленица (Инд.).

Акциональный ряд Масленой недели сибирско-мордовского населения весьма разнообразен – катались на саях (Бор., Пав.), при этом кони были ряженые как на свадьбу с колокольчиками (М. К.), катались с горы (Бор., М. К., Нов., Пав., Ал.)⁶, дети играли «в борьбу за крепость» (М. К.), взрослые мужчины ездили

хив Научно-исследовательского института при Правительстве республики Мордовия. Ед. хр. Л-837. Ч. 1. 152 л.; Ед. хр. Л-836. Ч. 2. 128 л.

³ Экспедиции 2007–2009, 2011 гг. осуществлялись при финансовой поддержке РГНФ (проекты № 07-04-18033е, 08-04-18040е, 09-04-18020е, 11-04-18046е, 12-04-18035).

⁴ Мордовские коллекции сибирских музыкально-этнографических экспедиций // Архив традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории имени М. И. Глинки. Ед. хр. № А0234, А0235, А0236, А0243, А0250, А0251, А0252.

⁵ Этнические термины, представленные в статье, выделены курсивом. Принятые в тексте работы сокращения касаются обследованных населенных пунктов: Борисово (Бор.), Никольск (Ник.), Малый Калтай (М. К.), Пещёрка (Пещ.), Думчево (Дум.) Залесовского района Алтайского края; Николаевка (Н.) Чебулинского района, Новорождественка (Нов.), Индустрия (Инд.) Прокопьевского района, Кочкуровка (Коч.), Сосновка (Сос.) Гурьевского района, Павловка (Пав.), Родниковский (Род.), Чусовитино (Чус.) Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области; Большая Ничка (Б. Н.), Жерлык (Жер.), Верхняя Коя (В. К.) Минусинского района, Нижний Кужебар (Н. Куж.), Алексеевка (Ал.), Верхний Кужебар (В. Куж.) Каратузского района Красноярского края.

⁶ Катались на корыте (Бор., Нов.); на обработанной навозом и водой доске или корзине, которую называли *лоток*, *гóрнома* (М. К.), *ледя́нка* (Пав.), *завóзня* (для катания до 20 человек) (Нов.); на простой доске для катания *сёдяв* (М. К.).

на лошадях «наперегонки» от города до деревни (Нов.)⁷, жгли костры на горе во время проводов Масленицы (М. К.). На провода Масленицы на горе делали соломенное чучело ростом около метра (*масленка, кукла*), которое наряжали как женщину «всяким старьем», тряпками, после чего сжигали на костре или даже скатывали ее на санках под гору (М. К.)⁸. Проводы Масленицы в некоторых мордовских селах позже превратились в «проводы русской зимы» (Нов., В. К., Пав.). Также в течение недели «ходили по домам» (Пав., Жер.)⁹ с самогоном, пивом или квасом (М. К.); в гости приходили крестные (*крёснай тедёй, крёснай аляй*) с подарками (Жер.). Непременная масленичная еда во всех селах – блины (М. К., Нов., Жер., В. Куж., Пав.); кроме этого, готовили рыбу (налим, чебак) (М. К.), *стружени*, вафли (Нов.) и *пёште* (орешки) (Бор., Пав.)¹⁰.

Последний день Масленицы – Прощеное воскресенье¹¹ – *прощальный день* (Нов., Ал.) или *прощёная недля чи* (Нов.) – отмечали, собираясь у родителей за столом. В Новорождественке к этому дню специально готовили печенье *теште-кофт* ‘звезды-месяц’, кислые блины *чапамо пачалксить*¹², яйца. После застолья просили у родителей прощенья. На следующий день начинался Великий пост, поэтому остатки со стола хранились в корзине до Пасхи.

Во время празднования Масленицы песни исполнялись при разных обстоятельствах: когда девушки ходили по улице поперек дороги, взявшись за руки, исполняя любую песню, например «В селе жила-была Анюта» (Пав.)¹³; пели песни, когда делали чучело Масленки из соломы, и пели вокруг костра, когда провожали Масленку (М. К.); пели и плясали на «прощальном вечере» в доме родителей (Нов.). Исполняли как русские (Бор.), так и мордовские (Нов.) песни.

Интересно отметить, что эрзянская песня «Сезяка, сезяка», записанная в 1975 г. в Пещерке, названа собирательницей Э. Н. Таракиной «детской песенкой»¹⁴, а в систематизированном издании «Устно-поэтическое творчество мордовского народа» она относится к разряду масленичных песен. В экспедиции 2011 г. в Борисово зафиксированы два варианта этой песни, которые информанты называли «стишком, похожим на частушку» («гармошка играет – вот выйди и пляши и спой»). Первый борисовский вариант по образному строю (диалог с сорокой) и форме поэтического стиха близок пещёрскому:

– Сезяка, сезяка,	– Сорока, сорока,
Мекс пулыньеть кувака?	Почему хвостик длинный?
– Од уряжым максызе,	– Молодая невестка дала,
Од уряжым казизе	Молодая невестка положила.

(Пещ., зап. 1975 г. от А. И. Редниковой, 1937 г. р.).

⁷ Наперегонки ездили от Прокопьевска до Кини (Новорождественки), после чего тот, кто проиграет на скачках, накрывает стол (Нов.).

⁸ Кочнева Н. М. (М. К., 2008): «А когда на сáнку пасáдят кúклу и сажгúт и пракáтыца пóд гару».

⁹ В соседней д. Новороссийка все гуляли в одном доме. В Павловке с пятницы начинается «густая масленица», «гульба»: 5–6 семей гуляют у каждого по очереди.

¹⁰ Орешки также пекли в мордовских селах на новогодние праздники.

¹¹ В Алексеевке на Прощеное воскресенье, обращаясь друг к другу, говорили: *Простя мак* ‘Прости меня’ (Н. Куж.).

¹² *Пачалго* в пер. с эрзянского – сковородка.

¹³ Павловка – деревня в одну улицу.

¹⁴ Таракина Э. Н. Фольклорный материал... Л. 45.

– А, сезяка, сезяка,
Мекс пулынеть кувака?
– Тетям авам рамизи,
Покштям бабам казизе
(Бор., зап. 2011 г. от А. Н. Понятай-
киной, 1926 г. р.).

– А, сорока, сорока,
Почему хвостик длинный?
– Отец матери купил,
Старым бабам подарил.

Первые два стиха – обращение к сороке с вопросом. Следующее двестишье является ответом в шутильной форме. Второй борисовский вариант 2011 г. поэтического текста имеет развернутую форму ответа с непристойным окончанием:

– А, сезяка, сезяка,
Мекс пулынеть кувака?
Уху патей, а патей,
Сак банясо парямо!
Ашо реве ведь ганды,
Раужо реве баня ушты.
Сак банясо парямо!
Чурцян, сернян банязыт,
Цилкцят мукур варязот!
(Бор., зап. 2011 г. от З. И. Камагайки-
ной, 1939 г. р.)

– А, сорока, сорока,
Почему хвостик длинный?
Ух, старшая сестра, старшая сестра,
Приходи в бане париться!
Белая овца воду несет,
Черная овца баню затопит.
Приходи в бане париться!
Нассу, насру на твою баню,
Пропищу в дыру твоей задницы!

В Малом Калтае во время празднования Масленой недели мордвой-мокшей исполнялись короткие песни, называемые иногда «частушками» с конечным припевом «Кивась!» (или «Кива!»). Тексты припевок с таким окончанием пелись только в двух случаях – на свадьбе и Масленице и интонировались на один мотив, который всегда координировался с корильными поэтическими текстами, содержащими ненормативную лексику.

1. Ня кудатне коста сáйхть?
Ня кудатне коста сáйхть?
Лóткова, пáндова,
Кáфта пáда ёткова.
Кива!
2. Ня кудатне чúдатне,
Ня кудатне чúдатне.
Эльдень пáдонь гúбатне.
Кивась!
Свадебная песня (М. К., зап. 2008 г.)

1. Эти сваты откуда едут?
Эти сваты откуда едут?
По оврагам, по буграм,
Между двумя п...
Кива!
2. Эти сваты чудаки,
Эти сваты чудаки.
Губы, как у кобылы п...
Кивась!

1. Мáсиньци трáньце,
Масиньци траньце,
Áвань пáда кáльце.
Кивась!
2. Стíрень вáряга,
Стíрень вáряга,
Вáрьжаманьза áряда.
Кивась!
Масленичная песня (М. К., зап. 2011 г.)

1. Масленица тёс,
Масленица тёс,
Женщины п... – варежка, «шубенка»
Кивась!
2. Девушки варежку,
Девушки варежку
Проверим пойдем.
Кивась!

После Масленицы в Чистый понедельник по улицам уже никто не ходил (Пав.), так как наступало время Великого поста, во время которого песни не пели

(Н. Куж., Ал.). Только в эрзя-мордовских поселениях в это время исполняли специальные песни с припевом «Позяра!» (зафиксированы от жителей сел Борисово, Пещёрка, колхоза «7-й съезд Советов»). Песни «Позяра» называли *тундунь моротне* (весенние песни) или «постные песни» (Бор.). Их исполняли «четыре девки на крыше, когда вечеруют» (Бор., 2008) или «на пригон залезут, где талое место» (Пещ., 2011), после чего садились прясть и ткать (Бор.)¹⁵. Представленный ниже фрагмент поэтического текста с переводом записан в 1986 г. В. Б. Русайкиным в Борисово¹⁶.

Позяра! Сурка пандысь пижелгадсь, Позяра! Сурка пандысь мазылгадсь.	Позяра! Сурочья гора зазеленела, Позяра! Сурочья гора принарядилась.
Позяра! Лись баряка – порнезе, ды,	Позяра! Вышел барашек – (траву) выщипал, ды,
Позяра! Лись одерьва – панизе, ды.	Позяра! Вышла молодка – прогнала его, ды.
Позяра! Одирьванть ваесь пильгизы, ды,	Позяра! У молодки утонула нога, ды.
Позяра! Листь, атявтым, таргамак (Бор., зап. в 1986 г. от А. А. Кеняйкиной, 1912 г. р. и И. Т. Долговой, 1909 г. р.).	Позяра! Выйди, свекор, вытащи (меня).

В это же время от Масленицы до Пасхи на «материнской» территории морд-ва-эрзя исполняли так называемые песни примет весны (*тундонь редямат* [Памятники 1988, с. 26; Устно-поэтическое творчество..., 1981, с. 282]; *тундонь редямат* [Бояркина, 2011, с. 121]), которые являются разновидностью жанра весенних закликаний [Устно-поэтическое творчество..., 1981, с. 282]. В исследовательской литературе описаны поволжские и заволжские варианты песен примет весны различных форм (пять форм поэтического стиха, различное строение мелострофы), которые родственны по ладово-мелодическому строю лирическим песням [Там же, с. 284]. В настоящее время эти песни вошли в репертуар художественной самодеятельности [Там же]. В сибирских коллекциях имеется только поэтический текст песни данного жанра (опубликованный, однако, как текст мифологической песни) «Мезде тундось неяви» («Как весна узнается»), записанный И. С. Поздяевым в 1940 г. в г. Норильске Красноярского края [Устно-поэтическое творчество..., 1982, № 3].

На день весеннего равноденствия приходится праздник народного календаря Сороки (22 марта), который приурочен к церковному дню памяти Сорока Севастийских мучеников (9 марта по старому стилю)¹⁷. У мордовского населения Сибири этот праздник зафиксирован только у мокши и имел следующие названия: *Сораки* (Н. Куж), *Жаваранки* (Жер.), *Жаваронки* (Сос.), *Сорак свитых* (В. К.), *Сорак свете* (Ал.).

Во всех населенных пунктах в мокша-мордовских семьях, а также у русского населения этих сел (В. К., Ал.) делали из теста печенье в виде птиц, которое называли *нармоне* (Ал., Н. Куж.). Оно предназначалось для детей, которые бегали с ним по улице и бросали через крышу (Жер.), к небу (В. К.) или просто показывали птицам (Н. Куж., Ал.). Русские женщины в мордовских селах иногда клали

¹⁵ Мордовская молодежь Zubовополянского района Мордовии после Масленицы по вечерам собиралась в один дом заниматься рукоделием (Жер.).

¹⁶ Русайкин В. Б. Фольклорный материал... Ч. 1. Л. 25–26.

¹⁷ В этот день тюркские и иранские народы отмечают праздник нового года Навруз.

такое печенье во дворе дома на забор или на столб (Ал.). Дети при этом кричали по-русски или по-мордовски.

Русский вариант: Жаваронку прилетѣ,
Красный лѣту принесѣ,
Нам здаровья...
(Жер., зап. в 2009 г. от П. П. Ньюхоевой, 1925 г. р.)

Мокшанский вариант:

Нармыне!	Птички!
Нармыне!	Птички!
Саты тязы!	Прилетайте сюда!
Саты тязы!	Прилетайте сюда!
Тугасть каре сай!	Весна скорей наступит!
Тугасть каре сай!	Весна скорей наступит!

(Ал., зап. в 2009 г. от А. И. Подсадниковой, 1930 г. р.)

Отмечая 25 марта церковный праздник «Благовещение», варили из теста «прасвѣрки»¹⁸ (Пав.).

В субботу накануне Вербного воскресенья (*Вирма* – Н. Куж.) в домах делали уборку (Нов.), ходили в тальник или «согру» за вербой (Бор., Пав.). В воскресенье готовили рыбу (Жер.). Утром мать новой вербой будила детей, произнося следующие слова:

Стямá давай!	Вставай давай!
Верьба корьцк,	Верба колет,
Верьба корьцк,	Верба колет,
Верьба корьцк!	Верба колет!
Штобы сила улизы!	Чтобы сила была!

(Бор., зап. в 2008 г. от М. Н. Ёргинной, 1946 г. р.)

Вербу наряжали «фантиками», ставили к «боженьке» и хранили до следующего года (Нов.). Старой вербой выгоняли на пастбище скот, приговаривая *кудув сакшнык* ‘возвращайся домой’ (Бор.). Прошлогоднюю вербу помещали в стайку или грядку (Пав.).

Помимо обычной словесной формулы, которую произносила мать, поднимая утром детей, в мокшанском с. Алексеевка также зафиксирован музыкально-вербальный образец.

Маскайкина Е. И. (Ал.): «Когда утром встáнишь, напрімѣр, ребятишек и своего, котóрый лежѣт – и бьѣшь: “Вирмась кишти, Вирмась морай, Вирмать аватсь аварди” (‘Верба пляшет, Верба поет, Верба-мать плачет’), а теперь живу, нѣкава похлестáть».

Коров тоже хлестали «вѣрбачкой», выгоняя на пастбище (при этом ничего не говорили).

В тексте представленной формулы упоминается один из мифологических персонажей мордовского пантеона – Верба-мать (*Вирмава*). В этнографической литературе описывается, бытовавший ранее на автохтонной мордовской территории

¹⁸ «Из сдобного теста сперва большой такой клубочек сделаешь, патом сверху поменьше и варишь» (Пав.).

дохристианский обряд, связанный с культом покровительницы весеннего ветра *Вармавы* (*варма* 'ветер', *ава* 'женщина, мать'), приуроченный к Вербному воскресенью¹⁹ [Бояркин, 1983, с. 60].

На Вербное воскресенье продолжался Великий пост, в связи с чем петь песни не разрешалось (Н. Куж., Ал.). Этот запрет усиливался накануне Пасхи, когда гулять на улице и петь песни считалось грехом (*шайтáн поймает*) (Н. Куж.)²⁰. Перед Пасхой мать запирала детей дома, не пускала на репетиции в клуб (Сос.). Накануне также усиливались ограничения в питании: в первую и последнюю неделю Великого поста ели только картошку и капусту (Бор., Сос.). Утром в день Пасхи до обеда совсем не ели (М. К.). Тем не менее пост не распространялся на трудовую деятельность: «Господь за руки не берет» (Бор.). Также накануне праздника в субботу ходили в баню (Бор.). Еще за месяц до Пасхи девушки собирали по домам конопляное волокно (по горсти) для того, чтобы вить веревки для качелей, а парни готовили жерди, копали ямки (Ал., Н. Куж.). В субботу на том месте, где раньше растает снег, привязывали *качу́лю*, что считалось «историческим приведением» (Бор.), то есть исстари заведенным.

Праздник Пасхи очень почитался в мордовской среде и назывался мордвой-эрзей (Бор., Нов., Пав.) *Йнечи* (досл. *ине чи* 'великий день'), мордвой-мокшей (Н. Куж., М. К.) – *Очижи* (*оцю ши* 'большой день'). Особое отношение выражалось в повышенном аксиологическом статусе Пасхи – «светлейший праздник, праздников праздник, самый честный и хороший» (Ал.), которую очень редко называли официально Пасхой (Инд.), а говорили просто «Пáска».

Всю ночь перед Пасхой в доме горел свет (Ал., Пав.). В это время готовили *паньдэжакáй* (ватрушки) (Бор., Сос.), пельмени, *сюкуруушки* (булочки) (Бор., Чус.), «паски», куличи (Бор., Нов., Жер.), блины *пáчат* (М. К., Жер., Чус.), шаньги (Пок., Род.), сладкие пироги с ягодой (мокши М. К.; Сос., Бор.), пироги из кишки, иногда пирог из мяса (Бор.), вареники (эрзя М. К.), стружни, «вахли» (Нов.) и, конечно, красили яйца (Нов., Бор., Жер.). Ночью также шили детям новые платья «чтобы яички собирать» (Бор., М. К., Н. Куж., Ал.), а также длинную рубаху для взрослых *алень пáнар* (Ал.), «светлую кофту» (Инд.), «льняную наволочку» (Ал., Н. Куж.), а молодые при этом вышивали (Ал.). На ночь перед Пасхой также делали из соломы или камыша «кадýлы» (Ник., Нов., М. К., Сос.). Такое украшение иногда называли по-мордовски *нóди* (М. К.) и вешали ночью к потолку возле икон, где оно кружилось в течение всей следующей недели.

У жителей мокши в Алексеевке сохранились интересные сведения о предпасхальном цикле. Вечером перед Пасхой, как стемнеет, взрослые и старшие дети совершали обрядовый обход двора с внешней стороны изгороди, внутри двора, в стайках. Остальные при этом стояли дома и молились. С собой брали икону, хлеб с солью или свечку с ножом²¹. Во время обхода двора обращались к Богу, просили сохранить двор, постройки, животных и людей:

¹⁹ По сведениям XIX в. в канун Вербного воскресенья устраивали моление (*озкс*), где молодежь веселилась, пела песни и играла в «соблазнительные игры». Песни кануна Вербного воскресенья на этнической территории мордвы пока записать не удалось [Памятники 1981, с. 14].

²⁰ С нарушением этого запрета связаны изменения ценностных нормативов традиционной культуры, которые имели место во время Великой Отечественной войны: «Мать пошла перед Пасхой в кино, повесила к иконам портреты Сталина и Ленина... Стала материться (если бы был Бог, разве позволил бы войне быть?)» (Н. Куж.); «Война сгубила нас, проклятый» (Бор.).

²¹ Подсадникова А. И. (Н. Куж.): «Вéчерам, тóлько стемнéло – идúт жéнщины, ма́ма шла уже, меня с сабо́й брала как ста́ршую. Берет иконку, свечку, хлебушка, соли на хлебушек и акружа́ют с улицы весь двор. И при этом гавари́т, к Богу абраща́еца, штобы спаси́ и сахрани́, Гаспо́дь, весь наш двор, все наши пастрóйки, всех животных, всех людей. Па-

Шка́ень Го́рьневцеке!
 Спасай и сохраняй
 Юштонькай, кудонькай,
 Лапанянькай, ломаненькай,
 Жабанькай, атенкай,
 Симань, симань
 Спасай и сохраняй
 От нечистава духа,
 Злых людей,
 Хищных зверей

Бог Всевышний!
 Спасай и сохраняй
 Двор, дом,
 Полки, людей,
 Детей, пожилых,
 Семью, семью
 Спасай и сохраняй
 От нечистого духа,
 Злых людей,
 Хищных зверей.

(Н. Куж., Ал., зап. в 2009 г. от А. И. Подсадниковой, 1930 г. р.).

Эта традиция обхода двора сохранилась у некоторых жителей Алексеевки до настоящего времени (Н. Куж.), кроме того, она была распространена в Малом Калтае, где мужчина со свечой или «ладанкой» должен был трижды окружить дом и пригон (М. К.).

Перед полуночью совершали «гадания слуховыми образами» (терм. В. Смирнова [Пропп, 1995, с. 117]), для этого выходили во двор к воротам или за деревню «слушать» (нужно было, чтобы пуговицы не были пришиты крестом) (Ал.)²².

Ровно в полночь с крыльца дома по всей деревне стреляли из ружей, заряженных солью, – «прогоняли нечистых духов», «стреляли чертей»²³. В этнографической исследовательской литературе также встречается акциональная ситуация стрельбы из ружей в предпасхальный вечер, только происходило это после поминовения предков, когда выходили их «проводить» за околицу, стреляя им вслед, что очищало «путь от чертей» [Корнишина, 2004, с. 395].

В Сибири зафиксировано «христосование» на кладбище ночью (Ал.) или рано утром (Бор.), в обоих случаях это делали старые люди. Ночью взрослые также начинали ходить христосоваться по домам, собирая стряпню в сумку, а выпивку²⁴ в бидон (Пав.). Всю пасхальную неделю, начиная с воскресного утра, в основном дети (Сос., Пав., Чус., М. К., Род.) и молодежь (Нов.) ходили по домам собирать яйца («ккушки»). Взрослые ходили христосоваться к родственникам и к тем, у кого были маленькие дети (М. К.). В течение всей недели ходили в гости (Бор.),

мардóвски всё гаврít. Пришли дамой, эта всё пастáвили на стол – булку хлеба целую и квас пастáвят. Накроют палатénцем – эта все начúет здесь».

²² Гадания у сибирской мордвы были распространены не только в период от Сочельника до Крещения, но и в предпасхальный вечер. Подсадникова А. И. (Н. Куж.): «В пóлначь... блízка к пóлночи нам дедушка... старые люди камáндывали всё... близка к пóлночи: “Ну, пайдёмте слушать”. Выходим ва двор к варóтам. “Слушайте внима-а-ательна. Если услышите гдé-та плáчь в каком-то дварé, ўлице – мне патом скажите. Услышите, может дóсками гремят где-та ва дварáх – патóm мне скажите. У вас уши харóшие, харашó слышите”. Вот, мы слушаем. У сасéдей напротив доски загремели и как-бúдта плач у них же. “Ну, пáшли абрáтна. Ну, чё слушали?” Гаварю, вот напротив нас Слéсаревы жили – доски гремели ва дварé, а сестрénка гаварít: “Я плач какой-та немнóшка вроде слышала, негромкий плач слышала”. Он гаварít: “Эта у них ктó-та умрёт в éтам гаду”. И тóчна, в éтам гаду хазяйн дóма умер и плакали».

²³ Подсадникова А. И. (Н. Куж.): «Рáньшэ в каждом доме бýла ружьё. Висит над дверя́ми... В пóлначь, рóвна в пóлначь ужé заранее [дед] заридíл ружьё солью. “Теперь пашлí стрелять”. Выходим, на крылечка станóвимся – дедушка стреляет. И везде слýшишь стреляют, стреляют, стреляют везде. Ага, пастреля́ли, пришли дамо́й. Эта нечистых духов ат-га́няли са дварóв».

²⁴ К Пасхе, как и к другим большим праздникам, готовили брагу (Пав., Нов.) или пиво (Сос., Б. Н.).

гуляли «по домам» (Нов.), собирались по 12–14 домов (М. К.). Повсеместно христосование проходило по-русски.

Качели ставили там, «где снег растает», в каждом крае села (Н.) или на традиционных местах сбора молодежи – на горе *Песок пандо* и *Василень пандо*, на поляне *Верань озиме* (Нов.). Качели называли в мокшанских селах *ка́чат* (Сос.), *нюрям* (М. К., Дум., Жер.), *урям* (В. К.)²⁵, в эрзянских – *качу́ля* (Бор., Ник.). На качелях качались как дети, так и старики. Парни-строители брали за качание плату яйчками (Жер., Ал.). Если взрослые ходили гулять по домам, то дети ходили «по качелям» (М. К.). Ритуальные качания продолжались почти до Троицы (В. К.). В праздничную неделю дети играли на горе (Нов., М. К.)²⁶ и на качелях (Ал.)²⁷.

Качели являются важным традиционным этнографическим атрибутом пасхального периода не только потому, что люди разного возраста (дети и старики) и социального статуса²⁸ обязательно качались во время и после Пасхи, но еще и потому, что этот предмет-реалия маркировался музыкальным кодом. Известно, что когда только ставили качели, пели песню и водили хоровод «А мы просо сеяли» (Бор.), что вместе со значением, которое придавали старики²⁹, качаясь на качелях, создает определенное семантическое поле аграрного смысла. Именно возле *качу́ли* на Пасху начинался весенне-летний цикл хороводов – «где качались, там и харавóдили». Так, собираясь возле качелей «все кому не лень» (мужчины, женщины, молодые и старые), брались за руки и проходили цепочкой до конца деревни хороводом типа «стрелы» и исполняли песню на русском языке, возвращаясь обратно, тоже вели хоровод (М. К.). Также играли в линейный игровой хоровод «на́ два по́лка», исполняя песню «Бояры, да вы зачем пришли?» (Бор., Н., Пещ.), когда играющие парни и девушки шли линиями навстречу друг другу. Пение велось в виде диалогов в вопросно-ответной форме. В этот же хоровод играли на лугу или на поляне во время празднования Троицы (Бор., Пещ.). В Борисово также записана «круговая песня» «Наварю я пива» (1986), которая исполнялась в период от Пасхи до Троицы. Во время хождения по гостям пели «кра́нешные песни», русские и мордовские – «Комолявка», «Там в саду малина» (Н.).

В последний день светлой недели (в воскресенье) собиралась группа девочек около семи человек возрастом 10–13 лет «проводить Паску» (Ал.). В отдаленном месте (в лесу или за огородами) к вечеру под деревьями девочки сооружали из досок детскую комнату со скамейками и столом, где устраивали небольшое застолье (блины, яйца, квас)³⁰. Подбрасывание яиц вверх с определенными словами обозначало проводы Пасхи³¹.

²⁵ Дословно с мокшанского языка *нюря́м* переводится ‘колыбель, качели’ [Мокшанско-русский словарь, 1998, с. 425]. Пасхальные качели называли *большие нюря́мы* (М. К.).

²⁶ Мальчики на горе или на могилах играли в *ча́рик на́лксе́ма* – один человек подбрасывал деревянный шарик, другой отбивал палкой (шаровкой), третий ловил и бросал обратно, чтобы тот, кто подбрасывал, положил шарик в лунку. Если успел положить, то потом он будет отбивать (М. К.).

²⁷ Того, кто качается «шлёпали», чтобы сказал «кто твоя подруга».

²⁸ В Алексеевке на Пасху на качелях качали невесту (А. Кукушкина, в девичестве Киршева), которая при этом причитала (А. И. Подсадникова, Н. Куж.).

²⁹ Зорькина А. Г. (Бор.): «Маладэ́шь и старые сабира́лися. Старые сабира́лися то́жэ сади́лися: “Качни́те, штóбы лён павы́шэ в́ырасла. Пакача́йте меня, штóбы лён павы́шэ в́ырасла”. Тагда́ ведь сеяли каждый себе, вот и лён сеяли».

³⁰ В эрзянской деревне записана игра *куды́ньки*, в которой девочки из четырех досок делали подобие избы, стол, готовили из листьев еду, делали из тряпок кукол, приглашали в гости детей из соседних *куды́нек*, сами ходили в гости (Бор.).

³¹ Подсадникова А. И. (Н. Куж.): «К воскресенью последнему завади́ли блины́ апя́ть же, яйца красили, им памага́ли, кане́шна и стряпать и всё, девчонки... Пайде́м за ага́ро́ды. Пихты расли́ за ага́ро́дами. В пихта́чах этих сдела́ем домики. Нала́дим как ко́мнатку –

Óчижи, Óчижи!
Пек ла́цыотать!

Сáйкис од та́сак!
(Н. Куж., Ал., зап. в 2009 г. от А. И. Под-
садниковой, 1930 г. р.).

Пасха, Пасха!
Хорошо
прошла/отметили/праздновали!
Через год опять приходи!

В несколько другом акциональном плане проводы Пасхи проходили на территории Мордовии и Самарской области. В роли Пасхи выступала нарядно одетая девушка или парень на лошади светлой масти, которых непосредственно проводжали всем селом, распивая пиво на улице [Корнишина, 2004, с. 395–396].

Во время обходов по дворам мордва эрзя и мокша, а также русские обследованных сел пели тропарь «Христос воскрес из мертвых» три или пять раз (Род., Пав., Бор., М. К., В. Куж., Н. Куж., Нов.)³². После праздника молитву пели в любое время до Троицы (М. К.) или до Вознесения (Н. Куж., Ал.), в том числе на поминках, а также когда заходили в дом или просто общаясь по телефону (М. К.).

Следом за пасхальной неделей в мордовском традиционном календаре Сибири располагаются праздники, так или иначе связанные с земледелием. Это Егорьев день (6 мая), который зафиксирован только у кемеровской мордвы-эрзя. В этот день сеяли рассаду капусты (Нов., Инд.), а также «варили» яичницу (омлет), «чтобы куры неслись», ходили гулять на гору (Нов.). Обязательным считалось появление крови животного в этот день, в связи с чем метили овец, обрезая ушко (Нов.)³³.

Особенно отмечался праздник «День борозды», во время которого жители деревни устраивали народные гуляния – перетягивание каната, лазание на высокий столб за подарком (сапогами) (М. К.). В некоторых селах в советский период этот традиционный праздник трансформировался в «День красной борозды», который также устраивался после посевной (Нов., Коч.). Однако даже в советское время, когда сеяли пшено, обязательно обращались к мифологическим покровителям природы, культ которых весьма развит у мордвы, в том числе на территории Сибири³⁴.

В мордовских (эрзянских и мокшанских) сибирских коллекциях только этнографическими сведениями представлен весенний церковный праздник Вознесе-

скамеечки-не скамеечки, а достачки принесём и столик вроде бы наладим туда. Тряпачек навешаем ещё туда, напривяываем, штóб красíва-та была. Квасу нальём в бутылки, яичек вазьмём, настряпанав вазьмём и идём. В апрелённое время назначим пад вёчер. Харашо, если мальчишки не узнали и не разарíли наши домики. Придём, яички паэ́таваем... пакидаём, пакидаём – праважаём значит пáску... Пакидаём яички, садímся, квас пьём, едím... Матери и бабушки рассказывали».

³² В селе Видоново, где проживали чалдоны, молитвы на Пасху не пели, как в соседней мордовской деревне Камышинка, а читали (М. К.).

³³ Акциональный элемент жертвоприношения, выраженный в обязательном кровопускании, также зафиксирован у сибирской мордвы-эрзя на второй день свадьбы во время приготовления ритуального супа из петуха или курицы (Бор., Ник.). В автохтонной традиции приношение в жертву курицы – один из древнейших обычаев мокши и эрзя. Так, во время новоселья курице отрезали голову и орошали кровью порог нового дома: существовало поверье, что без этой жертвы в доме счастья не будет, а *Кудава* (покровительница дома) сама возьмет себе жертву из числа членов семьи [Памятники 1981, с. 14–15].

³⁴ Подсадникова А. И. (Н. Куж., Ал.): «Бог растительности, имя-та не знают, а всё равно [говорят] “Растения шка́й”... Кида́ют в зёмлю пшено́ и гаваря́т: “Растí, хлёбушэк высóк, кóрень глубóк, кóлас вели́к – Кáтада кши́ди, кóрьнеце óцю ўлеза, прёце тожэ óцю, стéбельце крѣпка́й” – вот так выгаваривали».

ние, отмечаемый в четверг на сороковой день после Пасхи³⁵, неотъемлемым акционально-предметным рядом которого являлось приготовление печенья в форме лестницы, которое ели и ставили на «божничку» (Жер.). Это печенье, которое различалось по способу приготовления, называли по-разному – *жѳмки* (Пав.) или *куѳеманят* (Жер.).

На 50-й день после Пасхи православная церковь празднует день Троицы³⁶. Так называется сам праздничный день и период гуляний в большинстве мордовских сел Сибири, кроме Малого Калтая, где его именуют *Троѳцяня*.

К празднику делали уборку дома (осокой набивали матрасы, натирали песком полы – Сос.). Дом украшали березовыми ветками – крыльцо с двух сторон (Бор.), наличники и ограду, делали березовую аллею от крыльца до ворот (М. К.). Сибирская мордва проводила гуляния на Троицу в лесу (Жер., Коч.), на горе (Инд., Нов.), на поляне (Пещ., Пав.) или просто ходили в лес за цветами, при этом столы ставили «в ограде» (М. К.). На природу шли всей деревней с 12 часов дня и гуляли до позднего вечера (Нов.)³⁷. На поляне расстилали холщовое покрывало, клали еду, «выпивку» (Пещ., Нов., Инд.). В некоторых селах девушки плели венки (Коч., Нов.) из березы, марьяна корня (*марья каряйни*), а также из цветов огоньков (иногда сделанные венки оставляли «на могилках» – Бор.). Гадали также на цветочных венках, бросая их в воду (чей дальше уплывет, та нескоро «женится» – Жер.). Как девушки, так и парни плели плети из макушек березы, которые наряжали цветами («хѳдишь и хлѳщишь» – Нов.).

Досуг молодежи был весьма разнообразным – качалась на качелях (Нов., Сос.), играли в лапту (Инд.; *чикѳса* – М. К.), в разные игры, связанные с парами «парень-девушка»: третий лишний (Пав.; *куѳѳка лѳськинѳсь* – М. К.), ручеек, *кукареку яудѳ* (Нов.). Последняя игра представляла собой хоровод-шествие³⁸. Парни с девушками начинали дружить благодаря подобным хороводным играм (М. К.) или «заставляли дружить» девчонок с ними – в случае отказа подговаривали ребятню забросать их воробьиными яичками (Пав.).

Музыкальный код троичского периода у сибирской мордвы представлен хороводами и хороводными песнями – женщины пели песню и водили хоровод «проходная разлука» (М. К., 2008); водили круговой хоровод под песню «Сабирались девки, да на ягару» (М. К., 2011); под песню «Тюлинушка, тялинушка», называвшуюся *тюлинь моро*, девушки водили круговой хоровод, в центре которого находились парни (Пав., 1983)³⁹; весенняя круговая песня «...на часовенке два голубя сидят, один голубь ничего не говорит, другой голубь разговаривает» (без уточнения обстоятельств исполнения – Бор., 1986); упомянутый выше линейный игровой хоровод и песня «Бояры, мы к вам пришли» (Н., 1975; Пещ., 1986; Бор., 2011; Пещ., 2011).

³⁵ Праздник Вознесения в Павловке называли Приплавлѳние.

³⁶ На Троицу сибирская мордва пела следующие православные молитвы («божественные песни»): «Пресвятая Троица», «Святый Боже», «Отче наш», «Богородице, Дево, радуйся» (Бор.).

³⁷ Наиболее популярны были лесные гуляния всем селом с послевоенного времени до 1980-х гг.: «если бы загорелся дом, то вся деревня сгорела бы» (Нов.).

³⁸ Шелковникова А. К. (Нов.): «Па парам встаѳм, а один встаѳт впереди и кричит: “Кукареку яуду!” “Кукареку” – эта петух спел, а “яуду” – дескать, разайдѳтесь. И там двое [задняя пара] бегут – они далжны встрѳтица, [а если тот, кто кричал] кого-то поймает – ани пѳрай встают, а кѳтѳрый астаѳца без пары – апѳть кричит. Девчонка кричит – старѳца пѳймѳть мальчишку, мальчишка кричит – старѳца пѳймѳть девчонку, штѳб пѳрай встѳть». В этот хоровод играли уже поздно ночью. Расходились по домам, когда улица заканчивалась (Сарайкина Е. Л., Нов.).

³⁹ Похожий тип хоровода водили в Борисово, исполняя русскую песню, только внутри круга стоял один парень, который «выбирал себе невесту» (Бор.).

Как видно из приведенного списка, русские хороводные песни прочно вошли в календарный репертуар троичского весенне-летнего периода сибирской мордвы-мокша и мордвы-эрзя. В настоящее время в некоторых сибирских регионах вовсе не сохранились никакие весенние песни, а в лесу на Троицу исполнялись только русские лирические песни «У родимой мамоньки», «Рябина», «Деревенька моя» (авторская), «Катя-Катерина, купеческая дочь», «Потеряла я колечко» (Инд.), «Под окном черемуха колыхается» (Коч.). Специальные троичские мордовские песни (*троицянь морот*), которые на территории Мордовии составляют отдельную жанровую группу весенне-летнего периода [Бояркин, Бояркина, 2004, с. 726], в сибирских музыкально-этнографических экспедициях 2007–2011 гг. не зафиксированы – «*троицянь эрзянь моротнень* не специальная, а гуляночная песня» (Бор.).

Но в кемеровских записях 1983 г. обнаружены мордовские троичские хороводные песни, связанные с обрядовой ситуацией проводов Весны. Эрзянская песня «А, слобода, слобода» (Коч., 1983) исполнялась группой девушек, идущих за «конём» во время шествия, сопровождающего проводы весны. За девушками шли женщины постарше. Конь представлял собой ряженое чучело, которое изготавливали в воскресенье после Троицы⁴⁰ и, видимо, проносили по деревне (Пав., 2011)⁴¹. В. Б. Русайкин высказывает предположение, что эта песня «из протяжной семейно-бытовой перешла в разряд хороводной»⁴². В другой сибирской деревне исполнялась песня «Веснась ютась» (Чус., 1983), когда выносили «коня» за деревню для сожжения. На Алтае также сжиганию предавался другой трóичный атрибут – «кукла» из соломы и тряпок, которую надевали на палку, девочки ходили с ней по домам с песнями, собирая яйца, из которых позже в одном доме «варили яичницу». Соломенную куклу потом зажигали и бросали в реку (Бор., 2008). Кемеровская мордва называла «куклами» двух ряженных девушек, которые в воскресенье после Троицы плясали перед каждым домом, а остальные пели под гармошку. Хозяева при этом выносили вареные яйца, которые молодежь съедала в лесу. Такой праздник назывался просто – *Весна* (Чус., 2011), *Веснань чи* (Пав., 2011). Можно предположить, что хороводная песня «Тюлинушка, тюлинушка» (*тюлинь моро*), упомянутая выше (Пав., 1983), исполнялась именно в день проводов Весны. Возможно также, что информация, записанная в Чусовитино с промежутком около 30 лет, – о сжигании «коня» (1983) и ряжении девушек-кукол (2011) – дополняет друг друга, создавая более целостную картину окончания праздника Троицы.

В статье Л. Б. Бояркиной «Проводы весны» [Бояркина, 2011, с. 334–336] описывается традиционный мордовский праздник, приуроченный к последнему воскресенью троичской недели, который проходил в три этапа: *озкс* (моление), *Троицянь чувтонь мельга молема* (поход за Троицким деревом) и карнавал *тундонь ильтямо*. К статье прилагается нотация одной строфы долгой песни «Илязо пува варма вирь ланга» (эрзя, «Пусть не дует ветер над лесом»), которая, видимо, была приурочена к третьему этапу проводов Весны. Можно предположить, что записанные в экспедициях 1975–2011 гг. на территории Кемеровской области (Чус., Пав., Коч.) и Красноярского края (В. К.) четыре варианта песни «Вай, иля пува, варма вирь ланга», которые в Сибири не связаны с обрядовым комплексом народного календаря, когда-то были приурочены к обрядовым действиям проводов Весны.

⁴⁰ Следующее воскресенье после Троицы в Новорождественке также было праздничным и называлось «Йгрища» (Нов.).

⁴¹ Об этом рассказывала жительница Павловки, видевшая такую процессию в Мордовии.

⁴² Русайкин В. Б. Фольклорный материал... Ч. 1. Л. 130.

Ряжение и хождение по деревне на проводы Весны в воскресенье после Троицы, видимо, образует общий акциональный ряд разных региональных, в том числе сибирских мордовских традиций, имеющих все же локальные разновидности. Так, в мокшанской Алексеевке на проводы Весны, которые также называли проводами Троицы, парня или девушку, а иногда сразу двух человек наряжали листьями папоротника⁴³ и в сопровождении молодежи проходили через всю деревню с «гармóниками» и балалайками под пение частушек. В этот же день жгли костер (Ал., 2009)⁴⁴.

По некоторым сведениям, Троицу провожали не через неделю, а на третий день после праздника (во вторник) днем (Ал., В. Куж.). При этом также рядился мужчина (делал брюхо, горб, привязывал на голову «кушак» – некоторые жители называли его ругательно *пад сильме* ‘п... глаз’), выставляли на улицу столы, жарили яичницу, наряжали березку (В. Куж.).

Как видно из представленных описаний обряда проводов Весны или Троицы, он является общим для мордвы-эрзи и мордвы-мокши. В это время пели как хоро-водные мордовские песни, так и частушки под гармошку или балалайку, а также «современные» песни с гармошкой (Сос.).

Интересно заметить, что в другом сибирском региональном варианте «ряжение папоротником» является акциональной принадлежностью следующего за Троицей⁴⁵ Петрова дня (12 июля). Такой наряд назывался *карёлгань наряд*, который делала вся молодежь деревни (М. К.)⁴⁶. Обязательным на Петров день было приглашение гостей и приготовление баранины, из которой варили целый чугун мяса, а некоторые также варили в печке косы, заплетенные из бараньих кишков. Такая трапеза называлась *бóран пря́ я́рцаму*, что дословно можно перевести ‘баранью голову есть’ (М. К.). Баранину, хлеб и ягоду на Петров день также было принято нести на кладбище (Нов.). Хождение на кладбище на поминки в Петров день некоторыми информантами считалось присущим только мордве, поэтому Петров день носил статус «мордовского праздника» (Инд.).

⁴³ В одной из песен, записанной в Сибири, говорится, как девушки наряжаются листьями деревьев (Коч., 1983: «Адя, мольтам, ялгай-душай»).

⁴⁴ Подсадинова А. И. (Ал., Н. Куж.): «Троицу праважа́ли бо́лее взрослые девчата, ребята... Вот саби́руца вся маладе́шь... в лесу [за деревней] па́паратник рос и цветы всякие. Вот саби́реца маладе́шь, а мелюзга ужэ за ними – учимся у них всему, перенима́ем. Вот балалайка, э́тат балала́ешник па́рень, ишо девушка была – зрелая девушка то́жэ на бала-лайке харашо́ играла. Ани́ так игра́ют – две балалайки, три гармо́ники. С аднаво́ да́льнева канца́ деревни и через всю-ю-ю деревню́ игра́ют ани́, пляшут, частушки паю́т, мы за ними то́жэ идём все, милюзга́ вся па́д ручки идём и ани́ па́д ру́чки всё на всю ширину улицы и мы за ними также идём [в шеренге шли только девушки]. Вот дашли́ да э́тай паляны́, да па́паратника да э́тава. Вот аднаво́ челава́ка – в аснaвнóм наряжался Андрей-балалаечник. Из па́паратника, значит, юбка, из па́паратника кофта, из па́паратника рукава, из па́паратника башлы́к, все в цветах навтыка́ют, весь в цветах. И вот атсюда́ уже кто балалайку, кто гармонь и па́д частушки ужэ идём аба́ртна, все идут в деревню́. Он впереди́ идёт и на-плясывает... А народ весь на улице, всё смотря́т, так рады, што́ так маладе́шь атмечáет праздни́ки. Через всю деревню́ так вот праведём. В канце́ улицы снима́ет с себя́ всё э́та аде́яние. Э́та была́ да вайны́».

⁴⁵ После Троицы в понедельник отмечали Духов день (Н.). Вполне традиционно отмечали праздник Ивана Купала – «обливай кого попало» (Жер.).

⁴⁶ В традиционной культуре автохтонной мордвы описаны различные варианты обряда проводов Весны, в которых Весну изображали ряженные люди. В их костюмах обязательно присутствовала зелень (трава, листья папоротника, ветки, цветы и пр.), таким же образом украшали себя девушки на Петров день [Корнишина, 2004, с. 398–400].

Завершают весенне-летний период народного календаря сибирской мордвы три спаса (медовый, яблочный и ореховый)⁴⁷ и праздник сбора урожая. Последний отмечали «сабантуем», где резали быка, пили медовуху; гулянием в клубе (Нов.); награждением передовиков производства, проходившим с грузовой машины с опущенным бортом (М. К.); домашним ужином, на котором «по стопочке обносили» (Ал., Н. Куж.).

В заключение предварительного обзора обрядового комплекса сибирской мордвы следует отметить, что многие элементы весенне-летнего периода, обширно представленные разнообразными акционально-предметными и вербально-музыкальными планами и в некоторой степени реконструированные, демонстрируют высокую степень включенности календарных дат в систему жизнедеятельности этноса.

Список литературы

Бояркин Н. И. Мордовское народное музыкальное искусство / Под. ред. Е. В. Гиппиуса. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1983. 184 с.

Бояркин Н. И., Бояркина Л. Б. Музыкальное искусство // Мордва: Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа / Гл. ред. Н. П. Макаркин. Саранск, 2004. С. 713–759.

Бояркина Л. Б. Мордовская музыкальная энциклопедия / Под общ. ред. Н. И. Бояркина. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2011. 432 с.

Корнишина Г. А. Традиционно-обрядовая культура мордвы // Мордва: Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа / Гл. ред. Н. П. Макаркин. Саранск, 2004. С. 388–445.

Леонова Н. В. Сибирские календарные напевы в контексте европейско-русских вариантов // Вопросы музыкознания: Сб. ст. Новосибирск, 1999. С. 179–189.

Мокшанско-русский словарь: 41 000 слов / Под ред. Б. А. Серебrenникова и др. М.: Рус. яз.: Дигора, 1998. 920 с.

Памятники 1981 – Памятники мордовского народного музыкального искусства: В 3 т. Т. 1: Мокшанские приуроченные песни и плачи междуречья Мокши и Инсара / Сост. Н. И. Бояркин; Под ред. Е. В. Гиппиуса. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1981. 292 с.

Памятники 1988 – Памятники мордовского народного музыкального искусства: В 3 т. Т. 3: Эрзянские приуроченные песни и плачи Заволжья / Сост. Н. И. Бояркин; Под ред. Е. В. Гиппиуса. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1988. 337 с.

Пропп В. Я. Русские аграрные праздники: Опыт историко-этнографического исследования. СПб.: Терра-Азбука, 1995. 176 с.

Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3: Календарно-обрядовые песни и заговоры. Общ. ред. Б. Кирдана. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1981. 304 с.

Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 9: Мордовские народные песни Заволжья и Сибири / Сост. И. Сибиряк. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1982. 332 с.

Шахов П. С. Музыкально-фольклорные традиции мордвы Сибири (приуроченные жанры): Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Новосибирск, 2015. 27 с.

⁴⁷ На первый Спас угощали медом (Инд.), до праздника не разрешалось кушать ягоды (Нов.); на второй (яблочный) спас у мордвы-эрзя приходился родительский день (М. К.); «Третий спас – рукавички на запас» (Нов.).

P. S. Shakhov

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation; pashahoff@mail.ru*

**Mordovian calendar-ritual folklore-ethnographic complex of Siberian existence
(spring-summer period)**

The paper considers the national calendar of the Orthodox Mordva, as a code system that is an organic symbiosis of the Orthodox Christian and pre-Christian agricultural calendar and analyzes it through the prism of ethnic terminology and various ritual parameters (temporal, spatial, personal, actional, attributive, verbal and musical).

The spring-summer period in the Siberian Mordovian traditions is represented by Maslenitsa, Forgiveness Sunday, the Great Lent Period, the Memory Day of the Forty Martyrs of Sebaste, Palm Sunday. The central holiday is Easter followed by the Ascension and the Trinity.

The folklore-musical code of the Maslenitsa is represented by Russian lyrical songs, as well as Erzya children's and Moksha abusive songs.

During the Great Lent Period, singing songs was forbidden except in the Erzya village Borisovo of Altai Krai, where young girls, having climbed on the roofs of houses, sang «lenten» songs with erotic motifs. The Moksha folklore-verbal formulas mark the following festive actions: the appeal of children to the birds, the ritual «awakening» of children for the Forgiveness Sunday and the pre-Easter round of courtyards with a prayer.

From Easter till the Trinity, the period of spring and summer round dances began, and during the rounds of houses, the troparion was performed. The Russian round and lyrical songs have become a part of the Easter-Trinity song cycle of the Siberian Mordva. Along with the seeing-off ritual of the Maslenitsa, also being common among Russian people, the calendar-ritual-ethnographic complex of Siberian Mordva includes the ritual situations of the Easter and the Trinity (Spring) seeing-off that are held a week after the holiday dates. The Seeing off the Spring was accompanied by youth festivities, mummering and burning the horse scarecrow behind the village, with all being marked with a musical code.

The author makes the conclusion that many elements of the spring-summer period that were reconstructed demonstrate a high degree of inclusion of calendar rituals in the Siberian Mordovian existence.

Keywords: Siberian Mordva, folk calendar, field studies, ethnic terminology, code system, folklore-ethnographic complex.

DOI 10.17223/18137083/58/25

References

- Boyarkin N. I. *Mordovskoe narodnoe muzykal'noe iskusstvo* [Mordovian folk music art]. E. V. Gippius (Ed.). Saransk: Mordov. kn. izd., 1983, 184 p.
- Boyarkin N. I., Boyarkina L. B. Muzykal'noe iskusstvo [Musical art]. In: *Mordva: Ocherki po istorii, etnografii i kul'ture mordovskogo naroda* [Mordva. Essays on the history, ethnography and culture of the Mordovian people]. N. P. Makarkin (Ed.). Saransk, 2004, pp. 713–759.
- Boyarkina L. B. *Mordovskaya muzykal'naya entsiklopediya* [Mordovian music encyclopedia]. N. I. Boyarkin (Ed.). Saransk, Mordov. kn. izd., 2011, 432 p.
- Kornishina G. A. Traditsionno-obryadovaya kul'tura mordvy [Traditional-ritual culture of the Mordvians]. In: *Mordva: Ocherki po istorii, etnografii i kul'ture mordovskogo naroda* [Mordva. Essays on the history, ethnography and culture of the Mordovian people]. N. P. Makarkin (Ed.). Saransk, 2004, pp. 388–445.
- Leonova N. V. Sibirskie kalendarnye napevy v kontekste evropeysko-russkikh variantov [Siberian calendar tunes in the context of European-Russian variants]. In: *Voprosy muzykoznaniiya: Sbornik statey* [Questions of musicology: Collection of articles]. Novosibirsk, 1999, pp. 179–189.
- Mokshansko-russkiy slovar': 41 000 slov* [Moksha-Russian dictionary: 41 000 words]. B. A. Se-rebrennikova (Ed.). Moscow, Rus. yaz., Digora, 1998, 920 p.
- Pamyatniki 1981 – Pamyatniki mordovskogo narodnogo muzykal'nogo iskusstva: V 3 t. T. 1: Mokshanskii priurochennye pesni i plachi mezhduRech'ya Mokshii Insara* [Monuments of

Mordovian folklore music: In 3 vols. Vol. 1: Mokshan timed songs and weeping of the country between two rivers Moksha and Insara]. N. I. Boyarkin (Comp.), E. V. Gippius (Ed.). Saransk, Mordov. kn. izd., 1981, 292 p.

Pamyatniki 1988 – Pamyatniki mordovskogo narodnogo muzykal'nogo iskusstva: V 3 t. T. 3: Erzyanskie priurochennye pesni i plachi Zavolzh'ya [Monuments of Mordovian folklore music: In 3 vols. Vol. 3: Erzyan timed songs and laments of the Transvolga]. N. I. Boyarkin (Comp.), E. V. Gippius (Ed.). Saransk, Mordov. kn. izd., 1988, 337 p.

Propp V. Ya. *Russkie agrarnye prazdniki: Opyt istoriko-etnograficheskogo issledovaniya* [Russian agrarian holidays: The experience of historical ethnographic research]. St. Petersburg, Terra-Azbuka, 1995, 176 p.

Ustno-poeticheskoe tvorchestvo mordovskogo naroda. T. 7, ch. 3: Kalendarno-obryadovye pesni i zagovory [Oral-poetic creativity of the Mordovian people. Vol. 7, pt 3: Calendar ritual songs and conspiracies]. B. Kirdana (Ed.). Saransk, Mordov. kn. izd., 1981, 304 p.

Ustno-poeticheskoe tvorchestvo mordovskogo naroda. T. 9: Mordovskie narodnye pesni Zavolzh'ya i Sibiri [Oral-poetic creativity of the Mordovian people. Vol. 9: Mordovian folk songs of the Trans-Volga and Siberia]. I. Sibiryak (Comp.). Saransk, Mordov. kn. izd., 1982, 332 p.

Shakhov P. S. *Muzykal'no-fol'klornye traditsii mordvy Sibiri (priurochennye zhanry)* [Musical and folklore traditions of the Mordovian Siberia (confined genres)]. Abstract of Art. Cand. Diss. Novosibirsk, 2015, 27 p.